

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 360–364

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 360–364

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-360-364>

EDN: VMWKFU

Рецензия

УДК [821.161.1.09|18/20|+81'1](049.32)+929Кривонос+929

Многомерное пространство филологии

Рецензия на: *Кривонос В. Ш. Профессия: филолог. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2023. 416 с. (Humanitas)*

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

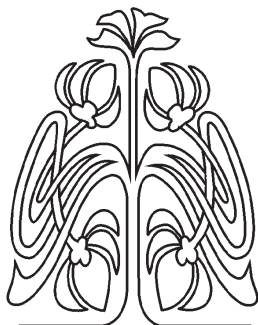
Трубецкова Елена Геннадиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Аннотация. Рецензия посвящена книге известного литературоведа, исследователя творчества Н. В. Гоголя и русской литературы XIX–XXI вв., доктора филологических наук, профессора Самарского государственного социально-педагогического университета В. Ш. Кривоноса. Монография, имеющая необычное для академического литературоведения название, раскрывает разные грани интересов ученого: она содержит академические статьи, исследования по истории филологической науки, завершает книгу неожиданный раздел «На границах филологии и литературы», где автор выступает как остроумный мистификатор и стилизатор. Книга имеет напряженный внутренний сюжет, три ее основных раздела объединены сквозными мотивами, по-разному раскрывающимися в историко-литературном и биографическом контекстах. Первый раздел монографии, выдержанный в русле классического литературоведения, посвящен анализу прозы XIX–XX вв., от Бестужева-Марлинского до Саши Соколова. Определяющей и объединяющей большинство статей здесь стала четко выверенная взаимосвязь исторического и теоретического подходов к анализу текста. Статьи, входящие в раздел, с одной стороны, демонстрируют неповторимую специфику творчества того или иного автора, с другой – показывают органическое единство произведений писателей, на которые исследователь смотрит во многом через гоголевскую «оптику». Второй раздел содержит ценные исследовательские и биографические материалы о крупнейших филологах, повлиявших на автора, – об А. П. Скафтымове, Б. Ф. Егорове, Ю. Н. Чумакове. Исследование «текста судьбы», осмысление роли случая и проблемы выбора в биографиях выдающихся отечественных литературоведов объединяют этот раздел с первым, где эти темы проанализированы на материале художественных произведений. В третьем разделе автор вступает в живой диалог с героями своих исследований, представляя читателю возможные продолжения сюжетов классической и современной литературы.

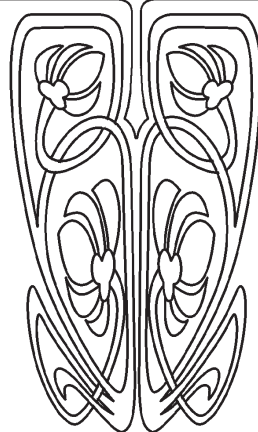
Ключевые слова: Кривонос, русская литература, художественное пространство, мотив сна, городской текст, Гоголь, Скафтымов, Егоров, Чумаков

Для цитирования: Трубецкова Е. Г. Многомерное пространство филологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 360–364. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-360-364>, EDN: VMWKFU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Review's report

Multidimensional space of philology

Review of the book: Krivonos V. S. *Profession: Philologist. Humanitas. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2023. 416 p. (in Russian)*

E. G. Trubetskova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Trubetskova, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Abstract. The review is dedicated to the book by V. S. Krivonos, a well-known literary scholar, researcher of N. V. Gogol's work and the Russian literature of the 19th-21st centuries, Doctor of Philological Sciences, Professor of Samara State Social and Pedagogical University. The monograph, which has an unusual title for academic literary criticism, reveals different aspects of the scholar's interests: it contains academic articles, research on the history of philological science, and closes with an unexpected section "On the Borders of Philology and Literature", where the author acts as a witty mystifier and stylizer. The book has a tense internal plot, the three main sections of the monograph are united by recurrent motifs that are revealed in different ways in historical, literary and biographical contexts. The first section of the book, in line with classical literary criticism, is dedicated to the analysis of prose of the 19th-20th centuries, from Bestuzhev-Marlinsky to Sasha Sokolov. The defining and unifying feature of the majority of the articles here is the clearly verified interrelation of the historical and theoretical approaches to text analysis. The articles included in the section, on the one hand, demonstrate the unique specific features of this or that author's oeuvre, on the other hand, they show the organic unity of the writers' works, which the researcher looks at largely through Gogol's "optics". The second section contains valuable research and biographical materials about the greatest philologists who influenced the author: A. P. Skaftymov, B. F. Egorov, Yu. N. Chumakov. The study of the "text of fate", the understanding of the role of chance and the problem of choice in the biographies of outstanding Russian literary scholars unite this section with the first, where these topics are analyzed on the material of literary texts. In the third section, the author enters into a lively dialogue with the heroes of his research, presenting to the reader possible continuations of the plots of classical and modern literature.

Keywords: Krivonos, Russian literature, artistic space, dream motif, urban text, Gogol, Skaftymov, Egorov, Chumakov

For citation: Trubetskova E. G. Multidimensional space of philology. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 360–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-360-364>, EDN: VMWKFU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Монография В. Ш. Кривоноса наиболее полно отразила разные грани филологических интересов автора, известного исследователя творчества Н. В. Гоголя [1] и русской литературы XIX–XXI вв. [2], специалиста по истории филологической науки и, наконец, «любителя русской словесности» – остроумного стилизатора, продолжающего классические сюжеты русской литературы.

Название монографии «Профессия: филолог» несколько непривычно для академического литературоведения. Но оно не только точно отражает разносторонние научные интересы ученого, но и делает акцент на роли личностного начала исследователя. В. Ш. Кривонос приводит слова Ю. М. Лотмана о специфике «роли автора» в гуманитарных исследованиях. Лотман подчеркивал, что требования научной объективности не противоречат стремлению ученого найти в творчестве писателя «...нечто созвучное себе, некое моральное пространство, в котором он сам может отразиться» [3, с. 58]. С полным правом эти слова можно отнести к представленным в книге материалам.

Если говорить о первой части заглавия «Профессия: филолог», хочется заметить, что, несмотря на случайность выбора этой профессии, о чем В. Ш. Кривонос рассказывает

предисловии, она объединила и аналитический исследовательский ум шахматиста, и эрудицию, и постоянный живой интерес исследователя к русской и зарубежной литературе. Конечно, филолог в случае Владислава Шаевича – гораздо шире, чем профессия. Наверное, можно с полным правом сказать, что это судьба.

А если говорить о второй части заглавия, то в монографии раскрываются разные грани филологии, которая здесь представлена и как наука: это большой раздел академических статей, посвященных литературе XIX–XX вв., а также ценные исследовательские и биографические материалы о крупнейших филологах, повлиявших на автора; с другой стороны, раскрывается филология и в буквальном значении – как любовь к слову, и знаковым становится высказывание одного из героев книги: «...филолог – это тоже писатель, а филология – это тоже литература» (345). Завершает книгу неожиданный для академического исследования раздел «На границах филологии и литературы», где автор выступает как мистификатор и стилизатор.

Три основных раздела монографии объединены сквозными мотивами, по-разному раскрывающимися в историко-литературном и биографическом контекстах.

Первый раздел книги, выдержанный в русле классического литературоведения, посвящен анализу прозы последних двух веков. Определяющей и объединяющей большинство статей здесь стала четко выверенная взаимосвязь исторического и теоретического подходов к анализу текста. Сам Владислав Шаевич в предисловии говорит о влиянии на его формирование как исследователя работы А. П. Скафтымова «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1923) и во многом придерживается его методологии. Статьи, входящие в раздел, с одной стороны, демонстрируют неповторимую специфику творчества того или иного автора, с другой – показывают органическое единство произведений писателей, на которые исследователь смотрит во многом через гоголевскую «оптику», выявляя продолжение и переосмысление традиций автора «Ревизора» и «Мертвых душ».

Так, В. Ш. Кривонос прослеживает диалог с Гоголем в разработке художественного пространства в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина («Архетипические образы и мотивы в “Господах Головлевых” М. Е. Салтыкова-Щедрина»), «городского текста»: «петербургского» у Д. С. Мережковского («Сновидческое пространство в романе Д. С. Мережковского “Антихрист (Петр и Алексей)”») и текста «уездного города» у Ф. К. Сологуба, И. А. Бунина, Л. И. Добычина («Фантастический город в романе Ф. Сологуба “Мелкий бес”»); «Миф уездного города в прозе И. А. Бунина»; «Рассказчик как читатель в романе Л. И. Добычина “Город Эн”»). Автор демонстрирует, как пространство, таинственное, зловещее (у Мережковского), абсурдное (у Сологуба) или неизменное, застывшее во времени (у Бунина), влияет на формирование героев, предопределяет основной конфликт произведений.

Внимание исследователя приковано к границам реального и фантастического. В. Ш. Кривонос показывает, как развивается в последующей литературе гоголевский мотив сна: сна во сне, от которого невозможно проснуться, сна, ставящего под сомнение реальность (в романах Ф. М. Достоевского, Д. С. Мережковского, в рассказе Б. А. Садовского «Двойник»). Автор фиксирует точки соприкосновения с гоголевской традицией и ее переосмысление. Так, например, если «у Гоголя происходящее в Петербурге приобретает свойства непро-

ницаемого сна, из которого нет выхода, то у Мережковского таким непроницаемым сном оказывается сам Петербург» (126).

Продолжение гоголевских традиций В. Ш. Кривонос прослеживает и в нарративных стратегиях писателей, экспериментирующих с границами вымысла и реальности («“Записки сумасшедшего” Л. Н. Толстого: текст и нарративная интрига», «Гоголевские мотивы в “Школе для дураков” Саши Соколова», «Производство знаков подобия (О романе Л. Гиршовича “Вий”, вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя”»).

На первый взгляд, особняком в первом разделе стоит статья об «Одном дне Ивана Денисовича». Однако ракурс рассмотрения текста – исследование феномена зла, его inferнальной природы и банальности – тоже неожиданно рождает ассоциации с автором «Петербургских повестей» и «Мертвых душ». В повести Солженицына В. Ш. Кривонос видит изображение «не просто замкнутого пространства неволи, но места, где предельно обнажено действие зла в мире, который отвернулся и отрекся от Бога. <...> зло осмыслено и явлено как страшная реальность падшего мира; автор акцентирует присутствие зла, разлитого в окружающей персонажей действительности и укорененного в самой человеческой душе, как очевидную для него данность» (170).

Одним из главных мотивов книги становится исследование текста судьбы. В первом разделе он реализуется на уровне анализа случайности/предопределенности событий в судьбах персонажей и авторов (в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова и рассказе «Стук... стук... стук!..» И. С. Тургенева). Во втором – объединяет интереснейшие биографические очерки, посвященные А. П. Скафтымову, Б. Ф. Егорову, Ю. Н. Чумакову, и переписку (с Б. Ф. Егоровым и Ю. Н. Чумаковым).

Открывает второй раздел монографии принципиально важная для понимания личности одного из крупнейших отечественных литературоведов статья «“Саратовский пленник”. А. П. Скафтымов: ученый из провинции», впервые опубликованная в «Новом литературном обозрении» [4]. Описывая события жизни ключевой для саратовской филологической школы фигуры, В. Ш. Кривонос показывает, какая внутренняя трагедия скрывалась за, казалось бы, относительно благополучными внешними обстоятельствами его судьбы, что стоит

за спокойными, «идиллическими» строками Скафтымова в письмах Ю. Г. Оксману после добровольного ухода из университета («По вечерам выхожу “гулять”. <...> Едим арбузы, дыни, сливы, яблоки, груши и т<ому> под<обную> благодать. За обедом окрошка торжествует» [5, с. 262]). Исследователь ставит вопрос, «не была ли <...> отставка А. П. Скафтымова осуществлением толстовского принципа *неделания*?» (217). И дает свой ответ: «Он *подал в отставку* – и *вышел в отставку*, а не ушел на советскую пенсию; это был ответственный поступок уважающего себя человека, желающего жить в ладу с самим собой и со своей совестью» (217). В. Ш. Кривонос демонстрирует, насколько были созвучны самому Скафтымову, тонкому исследователю Чехова, его замечания о чеховских героях («...Под видимостью ровной и мирной жизни кроется постоянная тоска и боль неудовлетворенных и лучших желаний» [6, с. 435]). «Благородно строгая личность» [7, с. 3] ученого резко контрастировала с исторической реальностью и общей обстановкой, которая не могла не отражаться на факультетской жизни. Недаром даже на праздновании своего шестидесятилетия выглядел он, по меткому выражению Оксмана, с которым Скафтымов согласился¹, «не столько юбиларом, сколько военнопленным» [5, с. 310].

Исследовательская беспристрастность, глубина психологического анализа, сам масштаб личности Скафтымова оказали определяющее влияние на формирование саратовской филологической школы. В. Ш. Кривонос пишет о колоссальной роли статей ученого в его собственном становлении как филолога, приводит и свидетельство Ю. Н. Чумакова, отмечавшего принципиальное значение фигуры Скафтымова для Саратовского университета: он «служил все более и более убедительным примером и доказательством <...> самой возможности самостоятельной научной мысли и свободы текстов от демагогических наслоений в подцензурных условиях» [8, с. 263].

Рассказывая об интереснейшем сюжете формирования профессиональных и личных отношений с Ю. Н. Чумаковым, автор пишет: «Скафтымов, Скафтымовские чтения, Саратов, саратовское филологическое “гнездо” – все сплетается, когда думаешь и вспоминаешь о Чумакове, <...> в единый узел, который не разорвать» (236). Публикуемая переписка В. Ш. Кривоноса с Ю. Н. Чумаковым интерес-

на не только для филологов: основанная на общности эстетических и этических взглядов двух ученых, она позволяет воссоздать сложность и противоречивость времени, о котором вспоминают собеседники, а также является интереснейшим эго-документом начала XXI в. Меткие характеристики, мимолетные обмолвки, красноречивые умолчания, рассчитанные на понимание без слов, создают многомерный образ современности.

Завершает монографию раздел «На границах филологии и литературы», где автор выступает как остроумный мистификатор и стилизатор. Здесь можно видеть переключки с интересным писателем и мистификатором Б. А. Садовским, рассказу «Двойник» которого посвящена академическая статья в первом разделе; продолжение традиций иронического филологического романа с ключом К. К. Вагинова (публикация «архивной рукописи» 26 московских литературоведов и литературоведок); диалог с филологическим анекдотом Д. И. Хармса (в статье «Новое о Дмитрие Александровиче Пригове», где отец московского концептуализма общается с классиками, от В. Жуковского, Н. Гнедича, К. Батюшкова до Б. Пастернака, С. Михалкова и А. Солженицына, с которым Пригов спорит, «доедет “Красное колесо” до 25 века или не доедет» (333)). Слышен здесь и отголосок мистификаций В. Набокова «Владимир Шишков» и «Забытый поэт»: в миниатюре «Забытый филолог» «профессор филологии в отставке» в финале, как кажется рассказчику, «просто переселился в пространство воображения и сам перестал существовать» (346). При этом в изображении жизни провинциального ученого, не во внешности и филологических пристрастиях, а в судьбе и жесткой принципиальности героя, блестящего филолога, попавшего после 10 лет лагеря в город С., восстановленного в профессорской должности, а потом разжалованного в ассистенты, легко угадываются черты Ю. Г. Оксмана, вернувшегося в Саратов после 10 лет Колымы. И здесь читатель возвращается к одному из центральных «узлов» второго раздела – трагической судьбе провинциальных филологов-«пленников», но получает возможность осмыслить эту тему как проблему художественного текста.

Отдельно хочется выделить в третьем разделе своего рода римейки: «Фантазмагорию на тему Гоголя», где автор «реконструирует» сюжет «женитьбы» Хлестакова и его сумасшествия; «Вишневый компот. По мотивам

¹ А. П. Скафтымов ответил Ю. Г. Оксману: «Удивительно метко Вы почувствовали “пленника”» [5, с. 312].

пьес Чехова», в котором герои «Чайки», «Трех сестер», «Дяди Вани» оказываются на даче у Раневской. Автор вступает в диалог с живым словом классики, что позволяет увидеть неожиданные черты в образах хорошо известных персонажей.

В 1930-е гг. по поводу своих современников Владислав Ходасевич писал, что как бы ни был значителен автор, «если ни разу в жизни он не пошутил, не написал ничего смешного или веселого, не блеснул эпиграммой или пародией, – каюсь, такого писателя в глубине души я всегда подозреваю в затаенной бездарности, на меня от такого пророка или мудреца разит величавой тупостью» [9, с. 611]. Думается, верны слова Ходасевича и по отношению к исследователю литературы. И монография В. Ш. Кривоноса, наряду с академическими исследованиями показывающая и «улыбку» исследователя, – яркое этому подтверждение.

Список литературы

1. Кривонос В. Ш. Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. 3-е изд., испр. и доп. М. : ФЛИНТА, 2020. 430 с.
2. Кривонос В. Ш. От Марлинского до Пригова: филологические студии : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2020. 433 с.
3. Лотман Ю. М. Двойной портрет // Лотмановский сборник / ред.-сост. Е. П. Пермяков. Вып. 1. М. : ИЦ-Гарант, 1995. С. 54–71.
4. Кривонос В. Ш. «Саратовский пленник». А. П. Скафтымов: ученый из провинции // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 166–179.
5. Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук ; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies. 1995. Т. I, № 1. С. 255–325.
6. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках / вступ. ст. Е. И. Покусаева, А. А. Жук. М. : Художественная литература, 1972. 544 с.
7. Жук А. А. Новое об Александре Павловиче Скафтымове // Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 3–7.
8. Чудакова М. Обвал поколений // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 260–268. EDN: MSWYJJ
9. Ходасевич В. «Канареичное счастье» // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М. : Советский писатель, 1991. С. 611–612.

Поступила в редакцию 17.03.2025; принята к публикации 30.04.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 17.03.2025; accepted for publication 30.04.2025; published 29.08.2025